

Владимир ЛАСТОЧКИН (г.Вологда)

ОФИЦЕРСКИЕ ФАЛАНГИ

В цепь поднимается пехота. На левом фланге юнкера. У них обычная работа: им выжить и кричать «ура!».

А в центре и на правом фланге — кресты, погоны, ордена... Мы — офицерские фаланги. Оплот. Последняя стена.

Идем мы молча. Не пристало нам, травленным войной волкам, забавам предаваться бравым, подобно трепетным щенкам.

Штыки отсвечивают тускло. Идем, легли, встаем опять. А юнкера еще безусы, но всё равно нельзя нам вспять!

И только молимся: «Дай, Боже, чтобы не ранили в живот!» Спокойно, легче, осторожней... Последняя стена. Оплот.

СТЕПНОЙ КОВЫЛЬ□□□□□□□□

Степной ковыль так не похож на то, о чем читал, но никогда не видел. Я не скажу, что так уж он хорош. Он жёсток и жесток, а я и не Овидий.

Я б эти путешествия забыл, я б встретил Пасху в нашем светлом доме. Но тянет на себя седой ковыль, царяшину оставив на погоне. Цепляет портупейные ремни и никаких надежд не оставляет. О, Господи, спаси и сохрани...

А все же чем-то дом напоминает. Сирень у нас там скоро зацветет, всю Вологду покроет сине-белым. И пароход на Сухону уйдет. И птичьи голоса еще несмелы.

Степной ковыль, ну, отпусти меня, с невестой к дому, к тем, кто понимает... Ну, отпусти! Пусть только на три дня!.. Молчит ковыль. Молчит. Не отпускает.

ЛЕДЯНОЙ ПОХОД□□□□□□□□□□

Было ли Ледовое побоище? Ледяной поход наш точно был. Пулеметы били кнутобойно. Шли в атаку из последних сил.

И шрапнель замешивала круто грязь и снег, солдатские тела.... У станицы Лабинской в минуту рота офицерская легла.

Враг с востока, с севера и с юга... Накопилось боли — выше нет. Больше нет ни Родины, ни друга, с кровью пополам и лед, и снег.

На Дону стреляется Каледин — казаки «не хотят» воевать. И Кубань, Кубань, ты слышишь, бредим, в дьявола, и в бога душу мать!

Матерятся даже генералы. Роты все лежат, не могут встать.... Генералов нам всегда хватало, и они умели побеждать. Вот в цепях пехоты было мало... И никто из нас не мог понять, что Россия в том году пропала.... Будет ли нас кто-то вспоминать?

ЛАЗАРЕТ

Рвусь от боли, из сил выбиваюсь. Стонут раненые вокруг. И я тоже в солому вжимаюсь, помоги мне, неведомый друг.

Мы, наверное, вместе в атаке... Слушай, морфия нет у тебя? Обещали английские танки нам прислать, но к концу октября.

Значит, нет! Протяни хоть водицы, я вонючий запью самогон. Сим добром я могу поделиться...

А снарядов отбили вагон! Марков лично бросался на поезд, без снарядов нам вовсе конец... Ты держись! Рано нашей истории примерять свой терновый венец.

Черт! Опять у меня перевязка! Эй, приятель, ты что замолчал? На лице твоём смертная маска. Унесли. Лучше б ты отвечал.

АТАКА□□□□□□□□

Мела метель, секла шинели, лица и на ходу срывала башлыки. Мы не могли прорваться к той станице, а с флангов били нас большевики.

У нас во взводах — человек по девять. А их шрапнель всё бьет и бьет вразнос. И мне команду отдавать — что делать? Я ротный командир, а с ротного и спрос:

— Казаков надо непременно выбить. Зачем же мы рискуем головой? Скажите вахмистру — всем водки выдать. Там, в центре, подтянитесь, кто живой!

У наших пушек больше нет снарядов. По три обоймы на винтовку, юнкера. Поручик Кубенский убит — добит прикладом, а нам опять в атаку, нам пора!

Нам сквозь метель штыками пробиваться. И что б у них заело пулемет!

Ну, с нами Бог! Не выдавайте, братцы! Все, кто живой, в атаку! Встать! Вперед!

ЮНКЕР

У юнкера потухшие глаза. В руке еще дымится папироса... Всего лишь несколько минут назад он задавал мне вечные вопросы.

Он задавал, а я не отвечал. Сидел, курил, молчал почти угрюмо... И выстрел как-то тускло прозвучал. Он умер тихо, словно так задумал.

А я смотрел, окурок бросив свой, как у него дымится папироса... Мой странный юнкер здесь нашел покой... Остались безответные вопросы.

АФГАН

— С неба падают «крокодилы», накрывая стальным дождем. Слава Богу, дождь вперед и нас. Мы лежим, мы сигнала ждем. Кто виновен, кто прав, то знает лишь Аллах в небесах, но тот нас в атаку не поднимает, нас в атаку ротный пошлет.

Он у нас нынче вроде за Бога, а ведь тихий был капитан.... Живы, значит, грешили немного, да молитвами наших мам. И конечно же, ротный тоже — он за нас рисковал головой. Так что, Господи ты мой Боже, сделай так, что б он был живой.

Их Аллах, а наш Бог — все едино. У Вселенной один творец. Не нарваться только б на мины — тогда роте точно конец. Он боднет головой упрямо, отрывая нас от земли... Помолитесь еще раз, мамы. Мы в атаку опять пошли.

ЧЕЧНЯ□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□

Зло огрызались автоматы: Что за дела? Что за дела? В селе за мостиком горбатым зачистка только что прошла.

Все было тихо... Но за взгорком вдруг простучал гранатомет — у нас «двухсотый» и «трехсотый», и хорошо, что недалет.

Так хорошо, а то б от взвода, считай, осталась только треть. И начинается работа, и взвод почти успел залечь.

Они мелькают по зеленке. Мы бьем короткими, у нас, почти у каждого, остался лишь небольшой боезапас.

И молим Бога: вертолетов! Ну, пусть успеют долететь!

А не успеют? Что ж? От взвода не досчитаются и треть.

РОССИЯ

Тоска, хандра, английский сплин, враньё и воровство, тупые депутаты...Но суть не в них, есть тысячи причин — мы миновали точку невозврата.

«Россия, Русь, храни себя, храни!» Не катит мантра, не до заклинаний. Мы сели, как тяжёлый крейсер на мели, и гибнем от прямых торпедных попаданий.

Кингстоны вскрыты, рвём боезапас, идти на дно, так с музыкой, славяне. Быть может, кто-то ещё вспомнит нас. Мы тоже были центром мироздания.